

Как рассказал старик, Оу Цин оставил себе первую половину первого тома, а оставшуюся часть передал на хранение Тань Циину, попросив его обязательно положить записи в гроб вместе с ним.

Оу Цин уже предвидел, что его дни сочтены, и передал свою самую ценную рукопись близкому другу, боясь, что её заберут алчные военачальники. Перед смертью он завершил описание своей жизни, ожидая, что Тань Циин принесёт оставшуюся часть рукописи, чтобы они могли быть похоронены вместе. Но он не ожидал, что Тань Циин тайно уедет, забрав с собой второй том.

Половина «Записок переулка Цзисян», имеющаяся сейчас в Комитете по управлению культурными реликвиями, была случайно обнаружена Юань Ивэем на рынке антиквариата. Он купил записи, изучил их дома и обнаружил, что в них содержится огромное количество ценной информации, после чего сразу передал их в музей для анализа. Юань Ивэй и Чжоу Ша затем отправились на рынок антиквариата для расследования и выяснили, что дед владельца старой книжной лавки когда-то занимался сбором трупов в Пекине.

Гао Цюн и Чжан Сяо предположили, что первая половина записей тоже не была похоронена вместе с Оу Цином. Когда люди, занимавшиеся сбором трупов, пришли, чтобы забрать его тело, они также разграбили его имущество, включая половину записей. Затем старый слуга Тань Циина забрал тело для захоронения и положил свою половину записей в гроб Оу Циина. Такова судьба первой части записей, а вторая часть исчезла вместе с Тань Цином.

— Можно сказать, что второй том и есть самая ценная часть, — сказал Гао Цюн, быстро покидая переулок Цзисян и направляясь наружу. — Первая половина — это биография Оу Циина, а оставшаяся часть содержит не так много информации. Тань Циин забрал второй том, в котором слишком много важных сведений... Он уехал в Великобританию, возможно, он продаст рукопись...

— Он точно не в Великобритании, — вдруг сказал Чжан Сяо. — Он сбежал отсюда в более хаотичное место? Невозможно. Либо он обманул своего старого слугу, либо велел ему обмануть других.

Гао Цюн остановился:

— Откуда ты знаешь?

— Ты что, историю не учил?.. Ты действительно не изучал марксизм? — удивился Чжан Сяо. — Первая мировая война закончилась в ноябре 1918 года, а сейчас третий этап.

Гао Цюн посмотрел на него несколько секунд:

— Я не знал.

— ...Где ты вообще в университете учился? Ты школьные экзамены сдавал?

— Не понимаю, — отмахнулся Гао Цюн. — В любом случае, сначала вернёмся и доложим Ин Чанхэ. Этот старик уже рассказал нам, где он похоронит Оу Циина, так что сразу найдём.

— Мы будем копать могилу?

— Не мы будем копать, — Гао Цюн отвёл его в укромное место и достал прибор Чэня. — Быстро, настрой, возвращаемся.

Чжан Сяо кивнул и тоже достал свой прибор Чэня. Чёрные иероглифы на циферблате снова распались под его взглядом и быстро собрались в цифры «2017» и координаты Комитета по управлению культурными реликвиями.

Гао Цюн, увидев, что он сделал всё быстро и чётко, немного расслабился.

Когда цифры изменились, Чжан Сяо поднял голову:

— Готово?

— Зачем ты на меня смотришь? Возвращаемся.

— ...А как вернуться?

— ???

Прибор Чэня, что замер на месте, снова начал работать. Иероглифы разошлись и снова собрались, но остались на дате 16.03.1918.

Гао Цюн молчал несколько секунд:

— Чжан Сяо, как ты вообще активировал прибор Чэня?

Чжан Сяо задумался:

— Мне стало интересно, что ты делаешь на задании, и я захотел посмотреть... И вот мы здесь.

Гао Цюн закрыл глаза, а затем спросил:

— Так ты сейчас не хочешь возвращаться?

Чжан Сяо заёрзал, проглотил слюну, пытаясь нарушить неловкое молчание.

Неловкое молчание длилось недолго. Гао Цюн отошёл от Чжан Сяо и начал ходить кругами вокруг дерева.

Место было глухое, вокруг никого не было. Уже приближался вечер, дождь прекратился, в воздухе витали запахи готовящейся еды.

Гао Цюн ходил вокруг дерева, всё больше раздражаясь. Он знал, что Чжан Сяо любит на него смотреть, поэтому он всегда сидел у окна кафе и пристально следил за ним. Но он не ожидал, что это чувство может повлиять на их способность вернуться в своё настоящее время.

Ин Чанхэ был прав, поручив Юань Ивэю обучать Чжан Сяо. В Комитете по управлению культурными реликвиями, кроме Чэнь И, только у Юань Ивэя было больше всего опыта в выполнении заданий. Чжан Сяо был проводником, не прошедшим подобной подготовки, он не умел отделять рабочие вопросы от личных эмоций, поэтому импульсивно пытался помешать избиению Оу Цина или не мог активировать прибор Чэня, потому что не хотел возвращаться.

Обернувшись, Гао Цюн увидел, что Чжан Сяо стоит неподалёку и беспокойно смотрит на него, и почувствовал ещё большее раздражение.

Он точно не хотел быть напарником Чжан Сяо.

Но Юань Ивэй и Чжоу Ша уже были очень слаженной командой, и Чжоу Ша недавно переехала к Юань Ивэю, так что, скорее всего, в этом году они подадут заявление на партнёрство. Поэтому почти невозможно было сделать Чжоу Ша напарницей Чжан Сяо. Единственным возможным напарником для Чжан Сяо оставался он сам — у Гао Цюна разболелась голова.

— Сядь и успокойся, — Гао Цюн вернулся и, положив руку на плечо Чжан Сяо, усадил его на обломок каменной стены. — Сначала поговорим. Есть что-то, что ты хочешь съесть, или куда-то сходить?

Гао Цюн говорил очень серьёзно, это был не тон разговора, а скорее «после этого разговора ты обязательно должен вернуть нас обратно, иначе я убью тебя».

Чжан Сяо, напротив, был рад. Он думал, что Гао Цюн злится, но тот, покружившись, всё же вернулся, чтобы поговорить с ним.

— Нет никакого особенного желания поесть, — радостно сказал он. — Куда сходить... На самом деле, выходить с тобой на задание уже весело.

— ...

Разговор явно не клеился. Гао Цюн сел напротив него на угол стены и отчеканил:

— Ты должен придумать, иначе мы не вернёмся и умрём здесь.

Чжан Сяо замер, затем быстро кивнул:

— Я подумаю, постараюсь.

Он действительно начал серьёзно думать.

В тишине Гао Цюн посмотрел на темнеющее небо, затем на Чжан Сяо.

Вечерний ветер ничем не отличался от ветра в какое-либо другое время в будущем. Он поднял волосы на лбу Чжан Сяо, и те мягко колыхались на ветру. Чжан Сяо, задумавшись, выглядел немного заторможенным, его правый кулак упирался в рот, а глаза неподвижно смотрели в землю. Гао Цюн смотрел на него несколько минут, и тот даже не моргнул.

— ...Нет ли места, где тебе самому было бы комфортно и радостно? — спросил Гао Цюн.

Чжан Сяо резко очнулся, поняв, что Гао Цюн действительно хочет поговорить, и прыгнул со стены на землю, сев на некотором расстоянии от него.

— Есть, после выпуска я жил с соседом по комнате. Мы сняли квартиру в микрорайоне Цинхуа, она была небольшой, всего две комнаты. Но он очень занят на работе, часто не бывает дома, так что я живу как бы один, и мне комфортно.

Он боялся, что этот редкий разговор прервётся, и старался выжать из себя как можно больше интересного.

— На кухне есть микроволновка, я в прошлом месяце попробовал её использовать. Зимой хорошо есть каштаны, я купил их на рынке и спросил продавца, можно ли их греть в микроволновке, он сказал, что можно.

— ...Нельзя.

— Да... В общем, они взорвались. Я испугался, мой сосед в тот день не был дома, я...

Он задумался, но так и не сказал, что произошло, лишь добавил:

— В общем, я боюсь таких звуков.

Гао Цюн кивнул.

Прогресс был отличный. Он, казалось, видел надежду на возвращение.

«Говори, говори, продолжай, я слушаю» — он смотрел на Чжан Сяо с нетерпением и энтузиазмом.

Но Чжан Сяо замолчал. Он перестал говорить о взорвавшихся каштанах и снова задумался, наконец выдавив новый вопрос:

— Старшая сестра — часовой... Женщин-часовых мало, она действительно сильная.

Тема Чжан Сяо слишком быстро менялась, и, чтобы он говорил больше, Гао Цюн продолжил:

— Она действительно сильная.

<http://bllate.org/book/16847/1550093>